

ОБ АРХИТЕКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА, ИЛИ ИГРЫ СО ЗМЕЕМ ГОРЫНЫЧЕМ

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Уже более трехсот лет в отношении России справедливы суждения относительно ее эволюции как «хождения по кругу», движения «по колее» или «топтанья на месте», а если и случаются кратковременные периоды развития, то говорят, что они имеют «догоняющий характер». Почему это так? По мнению автора, дело в трех исторических константах российского бытия — «империи», «самодержавии» и «собственности/бессобственности». Именно они являются первичными, базисными и фундаментальными по отношению к другим явлениям, например, к таким широко обсуждаемым, как демократия, свободы и права человека, разделение властей, верховенство права или гражданское общество.*

Ключевые слова: *общество, власть, империя, самодержавие, собственность, философия, политология, история, культура, личность.*

* * *

В связи с характером политического развития последних лет часто возникает вопрос: возможна ли перестройка-2? Вопрос этот я привожу не для того, чтобы углубиться в анализ реформаторских подвижек Михаила Горбачева и его единомышленников и соотнести выводы с сегодняшним днём. Вопрос лишь повод для размышлений о несостоявшемся изменении строя жизни, которое нам не дается уже несколько столетий и которое в последний раз попытались совершить некоторые товарищи из политбюро.

Адекватно общественный фон жизни страны в предперестроечные годы передал отсидевший в сталинских лагерях Олег Волков: «Уже давно не вламываются по ночам в квартиры, будя спящих, обвешанные оружием ночные гости с бумажкой-ордером, рабочие коллективы и возмущённые писатели не подписывают более писем-обращений, требующих от партийного руководства смертной казни разоблачённых «врагов народа». Не слышно и о массовых расстрелах. Но тёмный страх остался. Таится подспудно в душах, живя отголосками того кровавого прошлого. После истребления прежней интеллигенции, крестьянства, лучших людей всех сословий образовался вакуум. Не стало людей, честно и независимо думающих. Верховодят малообразованные приспособленцы и карьеристы, изгнаны правда и совесть». И далее: «...оболгано и фальсифицировано прошлое, искажено настоящее, брежня по всякому поводу сопровождает «простого советского человека» от детского сада до крематория. И если в 30-е годы репродукторы повторяли бесчисленно «жить стало лучше, жить стало веселее» в

опустошённых голодом деревнях, то схема эта сохранялась в подновлённом виде. С тупым упорством и застарелой, одеревеневшей косностью у нас продолжали выдавать желаемое за действительное, выхолащивать всякое сообщение, лицемерить, лгать и лгать, беззастенчиво, по всякому поводу... В этом не только маразм системы, последствия выветрившихся, износившихся от употребления всеу ложных доктрин. В этом и оправдавший себя унаследованный принцип не ставить ни в грош народ и его интересы, привычка к безгласности наглухо взнузданных масс: промолчат, проглотят, не пикнут!» [Волков 1989].

Послеоктябрьский и сталинский исторические периоды, предшествовавшие позднесоветскому, во всей полноте явили нам лживую и бессовестную власть, взнузданный, задавленный народ, погружающуюся во тьму страну. Все это правда. Но, к несчастью, не вся. Наше время открыло, что поведение масс объясняется не только их темнотой, памятью о страхе или чувстве неослабевающей узды. В немалой степени оно диктуется и тем, что действия власти народ считает правильными, поддерживает и любит именно такую власть, именно бытующий в стране порядок признает не только верным, но и единственно возможным.

Происхождение наличного порядка вещей — не только наследие сталинизма, который не ушёл вместе с его творцом. Вот как, к примеру, в конце XIX века о времени, когда революционные демократы ждали появления в стране «новых людей», отзывался Николай Лесков: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисеева: что бы они теперь писали о «новых людях»?.. Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? «Некуда»!.. Рахметов Чернышевского это должен был бы знать!.. Ведь с этим зверьём разве можно что-нибудь создать в данный момент?

— Однако у вас, Николай Семенович, никакого просвета не видно.

...Я же чем виноват, если действительность такова!.. Удивительно, как это Чернышевский не догадывался, что после торжества идей Рахметова русский народ на другой же день выберет себе самого свирепого квартального...» [Лесков 1993: 690].

Содержание общественного сознания, системы отношений, умонастроений, укладывающихся в те формы и пределы, о которых говорят Волков и Лесков, — результат длительной «жизни впотъмах». Но что стоит за этой метафорой? Нужен анализ причин болезней, которые губили и продолжают губить Россию. Как взяться за эту грандиозную тему?

Когда древнегреческие философы задались вопросом об устройстве мира, они, конечно, понимали, что описанием и объяснением всего этого не достичь. И тогда был найден выход: мы не можем получить знание обо всем, но мы можем узнать, из чего мир «построен». Знание о «строительном материале» будет знанием обо всем. Последовали ответы: вода, воздух, огонь, неделимая частица — атом. Думаю, аналогичным путём стоит пойти и в нашем случае.

Было бы странно, если бы мы о причинах наших бед не догадывались. Названия болезней — базовых констант российского бытия известны хорошо: имперский статус страны, самодержавный характер государства, сращение собственности и власти, с одной стороны, и отсутствие у народа собственности, его неприученность иметь собственность, ею владеть, распоряжаться и пользоваться, с другой. Мне, однако, кажется важным обратить внимание не только на содержание каждого из этих явлений по отдельности, но и на их внутреннюю взаимообусловленность и взаимосвязь. Такой подход позволит по-новому поставить вопрос о переходе общества в новое состояние. Позволю предположить, что причина отмечаемой многими исследователями цикличности нашего развития, «хождения по кругу» с постоянным воспроизводством весьма сходного или даже одного и того же алгоритма общественного бытия заключается в том, что не осознано и, соответственно, не найдено способа изменить его содержание, преодолеть не каждую по отдельности, а всю совокупность устойчивых

констант бытия — империи, самодержавия и собственности/бессобственности. К тому же, при их анализе нужно учитывать, что наряду со своим внешним по отношению к отдельному человеку бытием они обрели и «вторую природу» — бытие внутри индивида. Так, «империя» превратилась в «имперскость», а самодержавие сделалось «самодержавностью» — особым характером связей людей друг с другом. Что же до собственности как обладания чем-то, то она, укоренившись среди большинства народа в качестве своего инобытия — «бессобственности», сделалась функцией власти и стала у нее «сверхсобственностью», что в обоих случаях привело к потере человеком самого себя. Между константами российского бытия и их бытием в качестве человеческой идентичности есть система соподчинения. Империя требовала самодержавной формы правления, а зависимость от властителя обеспечивалось как наличием людей с собственностью, так и тех, кто был ее лишён.

Конечно, константы и их проявления исторически менялись. Так, видоизменялась империя: в одном случае это была хозяйственная территориальная экспансия, в другом — продиктованное политическими выгодами завоевание, в третьем — присоединение к себе соседнего этноса по его доброй воле, в четвёртом — территориальное включение в качестве приза за успешную оборонительную войну, в пятом — материализация судьбоносной идеи. Разной в этих случаях была и самохарактеристика россиян как имперского народа, их имперскость, разные политические программы реализовали олицетворяющие ее исторические фигуры.

Самодержавие как форма правления (единоначалие в управлении), возникнув в истории как одна из наиболее простых и в то же время эффективных форм решения не сложных задач, заложило основу традиции всей общественной жизни. В дальнейшем оно закрепилось, с одной стороны, в силу того, что было подчинено территориальной экспансии как доминантной государственной цели, а с другой — поскольку не допускало формирования независимых субъектов общественного развития, которые могли бы привести к смене самодержавного тренда (прежде всего, фигуры гражданина). Государственная самодержавность в то же время превратилась в самодержавность как качественную характеристику и оптимальную форму поведения индивида — главы семьи, рода, сообщества. При этом, изначально она была эффективной, поскольку позволяла обеспечить выживание при неблагоприятных условиях хозяйствования и в суровой природе на большей части территории страны.

Крепость самодержавной империи могла быть гарантированно обеспечена находящейся в руках правителя собственности, ее выборочным распределением или ее отсутствием у подданных. Только тот самодержец обладал всей полнотой власти, в руках которого были сосредоточены рычаги управления всей собственностью, то есть, он имел к ним гарантированный доступ в любой момент и под любым предлогом. И если количество собственности в руках правителя и ближайшего к нему социального слоя в истории страны варьировалось, то для огромной массы низовых подданных ее отсутствие было качеством постоянным. Даже внутри общины, владевшей землёй, ее регулярные переделы исключали появление собственника. Бессобственность стала третьей базовой константой российского бытия и серьёзным пороком, составляющим часть идентичности россиян.

В обозначенных компонентах-константах российского общественного бытия есть одна важная особенность. В них нет (или почти нет) места праву как системе согласования интересов и стоящих за ними потребностей и способностей людей. По этой причине между людьми столь ничтожно доверие и столь велика зависть, столь развита коррупция как фермент человеческих связей, что открывает широкие возможности для зла. Зло и насилие, его частный случай, — ещё один инвариант, в равной мере характеризующий империю (имперскость), самодержавие (самодержавность) и собственность/бессобственность.

Но и это ещё не вся проблема. Зло как последнее звено «имперско-самодержавно-собственнической» цепи серьёзно не рассматривается, ему не даётся заслуженная оценка. Оно

просто отодвигается на обочину общественной жизни и личного сознания и люди продолжают жить так, как если бы зла не было вовсе. Не в чести завет Варлама Шаламова: «Принцип моего века, моего личного существования, всей жизни моей, вывод из моего личного опыта, правило, усвоенное этим опытом, может быть выражено в немногих словах. Сначала нужно возратить пощёчины и только во вторую очередь — подаяния. Помнить зло раньше добра. Помнить все хорошее сто лет, а все плохое — двести. Этим я и отличаюсь от всех русских гуманистов XIX и XX века» [Шаламов 2005: 21].

Чаще всего зло не замечается из ложно понятой «стабильности». Ведь его признание привело бы к обнаружению и пониманию его источника. И такое невнимание, к сожалению, традиционно. У шаламовской позиции нет корней ни в русской философии, ни в философирующей классической литературе (возможно, лишь за исключением Лермонтова). Но Шаламов — на более чем столетие позже. В его время уже есть миллионы жертв Первой и Второй мировых войн. Миллионы жертв окутавшего страну большевистского морока. Ленинские расстрелы заложников и концлагеря Дзержинского, кровавые политические и экономические мясорубки и ГУЛАГ Сталина, новочеркасская бойня Хрущева и психушки Андропова. Все это, кажется, должно заставить кричать о признании и искоренении зла. Но ничего не происходит. В почёте стабильность на негодных основах. И зюгановцы реанимируют ленинско-сталинскую идеологию, развёрнуты гонения на «Мемориал», звучат предложения вернуть статую на Лубянку, переименовать МВД в ВЧК, восстанавливать памятники «вождю народов».

Как возможно такое состояние умов? Откуда общественная позиция — делать вид, что ничего ужасного не случилось и покаяние не требуется? Может, за этим есть какая-то столь значимая «польза», что естественной реакцией «ужаснуться, покаяться, публично заречься от повторения» можно пренебречь? Хотел бы ошибиться, но, боюсь, необходимого осмысления и очищения нет потому, что качество человека неуклонно меняется в сторону зла.

* * *

Мы все ещё по старинке кичимся великой культурой. Но упоминать о ней стоит лишь тогда, когда она жива в каждом человеке, в действиях государства. Как, например, ее императив — справедливость — согласуется с 50-кратным превышением доходов верхушки населения над его низами? С тем, что месячный доход «топа» превышает пенсию тысяч и Минфин «для общественного блага» вносит предложение лишить пенсии тех, кто ещё работает? Неужели Александр Островский и Лев Толстой, повествующие об измене Катерины и Анны, меньше понимали в любви и верности, чем «общественные деятели», предлагающие исключить «Грозу» и «Анну Каренину» из школьной программы? Как совместить с культурой заботу одноимённой государственной институции о всеобщем историческом единомыслии? Похоже, реальное бытие «культуры» в нашем Отечестве пребывают далеко за пределами ее разумного понимания.

Впору вспомнить 20-е годы прошлого века, когда в соответствии с задачей создания советского варианта памяти о прошлом был, например, снят кинофильм по повести Пушкина «Капитанская дочка». В фильме «Гвардии сержант» ставилась задача «исправления» исторических ошибок, якобы присущих литературному произведению. Советский кинематограф как «великий искажитель» должен был «бороться» с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским «по линии изменения сведений, которые они сообщают». Так, например, ужас пушкинского Гринева перед стихией русского бунта не был актуален для новой эпохи. В фильме Гринева олицетворял политику дворянской экспансии и отправлялся в Белогорскую крепость для захвата вольных крестьянских земель, а в финале этот ничтожный и трусливый дворянин становился любовником Екатерины II. Напротив, романтически-загадочный дворянин

Швабрин становился правой рукой народного героя Пугачева и едва ли не идейным последователем Радищева. Он был демократичен, держал себя с народом запросто и просвещал Машу, читая ей сочинения французских материалистов. Старый Савельич оказывался одним из близких соратников Пугачева, а Гринев обнаруживал себя в качестве злодея до такой степени, что исполнял пляску над ещё не остывшим трупом своего верного слуги [Советские художественные фильмы 1961: 267–268].

Верно говорит Юрий Арабов об обмане, который ведёт к утрате смысла жизни, и о том, что возвращаться к нему нации предстоит десятилетиями. К тому же в культуре, отмечает мастер, «обман подкреплён сознательным снижением всякого рода критериев. Наша попса, например, — одна из худших в мире. В ней специально занижается эстетический уровень, и это объявляется нормой. Так клану легче производить продукцию. Их мало, и это стоило им определённых усилий — прикормить дерьмом потребителя. А когда к дерьму привыкли, клан объявил дерьмо пирожными».

Давно ясно, что без целенаправленного включения культуры в ткань общественной жизни развитие невозможно. Но для изменения положения вещей нам, как всегда, чего-то не хватает.

И все же: почему зло стараются не замечать? За ним базовые константы бытия. Как выходить из состояния империи, не развалив страны, думается мало и неохотно. О самодержавии (в контексте его сегодняшнего именованья — ручного управления) не говорят, скажу так, из осторожной деликатности. Изменение состояния собственности/бессобственности не обсуждается не только в силу сложности этой проблемы, но и из-за отсутствия субъектов, способных такое произнести. В самом деле: кто из собственников в здравом уме на такое способен? К тому же, как правило, при отсутствии в системе личных ценностей понятий о чести, справедливости, достоинстве, свободе, сострадании и прочая, и прочая. Да и народу при таком повороте боязно сходить с траектории привычного круга, по которому движется столетиями: ведь что там, за поворотом, один Бог знает. А потому общий вердикт: хватит нам перестроек. И после одной еле вернулись в колею...

По своим политическим и социально-культурным последствиям горбачевская перестройка и последовавшие за ней преобразования 90-х походили на отмену крепостного права. Стране дали свободу и сказали: «Живи, как хош», «Иди, куда хош». Общество растерялось. Ситуация усугубилась недомыслием, трусостью и корыстолюбием тогдашних элит, своими действиями поставивших население на грань выживания. Большинству новая жизнь как пиджак, оказалась не по росту: руки в рукавах потерялись, работать как? Зато меньшая, наиболее активная и образованная часть, начала приспосабливаться. Но то, что предстоял долгий, на три — пять поколений, процесс усвоения всем населением новых правил жизни, сознавал мало кто.

И вскоре пришло понимание: не любит наше народное большинство нудных постепенных преобразований — ни медленных государственных улучшений, ни, тем более, практикуемых гражданскими энтузиастами «малых дел»: ты, кто такой, чтобы мне «указывать»? Неспроста в нашей истории почти нет примеров подобного рода. Привычный путь — властное насилие, одобренное мифами и идеологическим фанатизмом. Власть осознала: менять парадигму исторического поведения себе дороже. Да и что же это за жизнь будет — на внуков в пятом поколении работать.

А тут и дьявол подоспел — в очередной раз подбросил высокие цены на энергоносители. Воспряли. Но не в том смысле, что все проели; хотя и проели, в особенности те, кто наверху, немало. Армию управленцев, слуг верных, чуть не в два раза увеличили. На саммиты и олимпиаду не поскупились, на мировой чемпионат нацелились: чего мелочиться! Из полезного — реанимировали вооружённые силы, народу уровень жизни приподняли. Однако, как

всегда, сделали вид, что не замечаем главного — человек российский по лекалам индустриального общества (середины XX века) скроен, информационному укладу, к которому передовой мир переходит, не соответствует. Как не отстать? Тут кстати вспомнили, что особые мы — сами цивилизация! — и не нужно нам менять стереотип общественного развития, при котором без самодержца с поместными боярами ни охнуть, ни вздохнуть. В уверенности этой власть укрепили и евразийцы, и консерваторы-заединцы, и теоретики-практики «русского мира». А, может, чтобы счастье поймать, в жмурки сыграть? В жмурках только глаза закрыты. А уши и нос — к нашему удовольствию. В уши можно дудеть, а если нужно, то и вешать на них известно что. А нос, он и по ветру, и чует, что призывно пахнет. И затеяли.

Как советовал русскому человеку классик, если чувствуешь, что закон налагает тебе препятствие, то, снявши со стола, положи под себя. И тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебя в действии облегчит. Дело, конечно, не только в правовой системе. Хотя если и следует с чего начинать в смене алгоритма развития, то с нее. Незрелое, уродливо составленное или неисполняемое законодательство — малая часть того, что именуется полу-дикостью или, выражаясь по-научному, неполной цивилизованностью. Проблема глубже. Нет, «кущёвка», показательное убийство в ста метрах от Кремля или «закон Димы Яковлева» у нас, слава Богу, случаются не каждый день. Но вот то, что мы последние пятнадцать лет создаём условия для одичания, вряд ли можно отрицать. Как про нас: «Заглянет дикий помещик в газету „Весть“, как в сем случае поступать должно, и прочитает: „Старайся!“» [Салтыков-Щедрин 1988: 336]. Одно только слово написано, а что делать — всякий знает.

Открывшись миру, мы получили возможность не только примерять на себя его блага, но принуждены реагировать и на его негативные проявления. Высокие экологические стандарты и юридически допустимое, но морально ущербное высмеивание религиозных ценностей (феномен «Шарли Эбдо»). Блага комфорта и подчинивший себе сознание масс консьюмеризм. «Светлое» и «тёмное» можно перечислять долго. Ясно одно: для жизни рядом с непохожими на нас «другими» вместо железного занавеса нужен другой «индекс человеческого развития» (ООН), в котором, наряду с продолжительностью жизни и материальным благополучием, главное — образованность.

Ещё сложнее с высокой отечественной культурой, впущенной в пространство, в котором прежде господствовал социалистический реализм. Пока ее не было, образцами считались Семен Давыдов и Павлик Корчагин, страна с ума сходила по «Девчатам» и «Семнадцати мгновениям весны». Все захватывающе и, главное, просто-ясно. А вот освоение запретной прежде литературы, пришедшей вместе с лучшими образцами классики, нуждается в умственных усилиях.

Было известно прежде, но очевидно стало теперь, что, кроме семейного круга, только школа, вуз, телевизор и книга — инструменты, с помощью которых человек из *Homo erectus* превращается в *Homo cultures*. Мысль не зацепила. Трескотня про традиции и скрепы мечущейся в жмурках дворни, скрыла очевидное: великая культура деградирующим массовым человеком не востребуется, а если какая из ее страниц невзначай и открывается, то, как правило, остаётся не понятой.

Но курс-то выбран иной. И власти время от времени взбадривают нас то лозунгом «Россия не Европа», то идеей о тридцати пяти процентном полезном пределе высшего образования для населения страны. Повязка уши не зарывает? Слышно хорошо? За указанные границы не ходить! Как пугал архитектора Михалыч из балабановских «Жмурок»: «Если ты, Церетели, такой же камин мне, как ванную сделаешь, я тебя в камине точно сожгу!» И кружатся

игроки в жмурках. Уже чуть не нормой сделался взбаламученный жмурками ум¹. Как тут быть?

Игру остановить, глаза открыть, уши прочистить. Состоявшаяся в 90-е открытость миру и культуре — не автоматическое благо. Для умения жить в них не обойтись без умного наставника — учителя в школе, профессора в вузе, авторитетного редсовета на телевидении. И для того, чтобы во всех этих институциях была достойная элита, срочно начать готовить. Поэтому без сферы, в которой создаётся элита элит — без науки, ее коллективов и предметных школ, ничего не получится. А сколько ещё сюрпризов на этом пути обнаружит население!

Об «успешности» реформирования инструментария культуры сказано, наверное, уже все. Но, похоже, процесс не остановим, а те менеджеры, которые его публично направляют, всего лишь роботоподобные исполнители. Кто же авторы и где их искать? Снова жмурки?

* * *

Республика — от латинского *res publica* — «общее дело». Дело в словах — без них не бывает мысли. Дело в отдельных поступках — без них не бывает больших дел. Примеров извращённых слов и поступков власти, за которые стыдно, в последнее время обнаружилось множество. Но если вначале они появлялись редко — частные казусы, не более — то теперь пошли потоком, стали явлением. Однотипным по своим внешним проявлениям: безумные зарплаты и бонусы «управляющих и приближенных», их несопоставимые с официальными доходами российские и зарубежные виллы, яхты «неизвестных владельцев» и самолёты, перевозящие собак на конкурсы, где «отстаивается честь России». В жмурках нос — первое дело: он и по ветру, и запах того, что не пахнет, чует отменно.

А недавно для понимания сути явления нам открыли формулу: «каждому свое, тут уж извините, но вроде мы ни у кого не отбираем, гуляем на свои». В «гулянии» от взрослых на «Гелендвагенах» не отстаёт молодёжь. Из той, к которой подходят слова поэта: «юноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, скажу, не задумываясь — делай ее с товарища Дзержинского». А в чем проблема? Жмурки-то в разгаре, и как детишкам не играть!

Не обходится в игре и без «добротного человека», вроде как реинкарнации вечно улыбающегося и все понимающего «всесоюзного старосты дедушки Калинина» с мудрыми советами насчёт «учительского призвания» и жажды денег². Как в жмурках без ушей, в которые — наставительное слово? Того и гляди передают друг друга. Повязка уши не закрывает? Слышно хорошо?

Не к игре вспоминать о живущих в нищете двадцати трех миллионах, об уволившихся за прошедший год (пол-года 2015-го и пол-года 2016-го) из-за копеечной зарплаты шестидесяти шести тысячах санитарок и медсестёр (огороды, наверняка, прибыльней и надёжней),

¹ В 2013 году учёные ВШЭ В. Касамара и М. Максименкова в ходе исследования побеседовали с 50 депутатами Госдумы из всех фракций и сделали выводы: депутаты лишены мотивации к профессиональному росту и повышению компетентности. Зачастую они просто не способны формулировать свои мысли; народные представители склонны мыслить в рамках бытовых, повседневных понятий, а не категориями политических институтов; парламентарии описывают себя как людей, не имеющих влияния на процесс принятия политических решений, не несущих за них ответственности. Это значит, что они вообще не понимают, что такое парламент и Государственная Дума; необходимость формирования полноценного гражданского общества ими не осознаётся, потому что население, по их мнению, представляет собой инертную, необразованную массу, которую нужно «вести», «направлять», которой можно «манипулировать».

² На это заявление одна из читательниц в сети отреагировала: «...Я не раз видела, как молодые коллеги, которые пришли в профессию по призванию — мужья и отцы, — сгорая от стыда, перехватывают денег до зарплаты. И знаю, как они уходят из профессии и уезжают из страны, где силовики важнее учителей и учёных».

о шестнадцатикратном разрыве доходов между верхними и нижними десятью процентами; для Москвы, говорят, сорок пять. Не буду и о том, что названное исключает формирование общей идентичности и единой нации, хоронит надежды на гражданственность. Имеющие мозги в сочетании с совестью и открытыми глазами, об этом знают. Я о другом.

Россия назвалась республикой, то есть «общим делом». И что? Телевидение захлёбывается от «общих слов»: мир плох, вокруг враги и все желают нам зла, потому, что завидуют богатствам и масштабам. Ну, допустим. А делаем-то сообщая что? Укрепляем империю («Назад в СССР!») или строим национальное государство с фундаментом из культуры и права? Реализуем разделение и независимость властей или ладим трон для нового самодержца? Расширяем и легитимируем частную собственность или огосударствляем и дожимаем народившихся собственников? Поддерживаем академическую науку (и тут не обошлось без утешительных слов про то, что Президиум РАН и ФАНО будут работать по принципу двух ключей) или слушаем очередного «мичуринца», обещающего невиданный в веках прогресс на основе «междисциплинарности», но (!) с предварительным уничтожением специальных дисциплин?

Все эти вопросы, наверное, обдумывает власть. Но также живо обсуждает оппозиция и обещает ими вплотную заняться после неизбежной (в этот раз — точно!) победы. Вот только большинство ее лидеров невольно поддаются под готовый сорваться с языка общий вопрос: «А что Вы, господин N или M, делали до «1917 года?»» Для некоторых, претендующих на либерализм, партий, вопрос не пустой. Да и пенсионный возраст большинства лидеров-противников режима избирателя вряд ли вдохновляет.

В общем, не просматривается пока общее дело для страны ни у власти, ни у оппозиции. И потому не могу разделять радостного оптимизма насчёт того, что нынешняя интеллигенция «никакие не маргиналы. Мы авангард общества. Это как раз власть опирается на маргинальные радикальные группировки (псевдоправославные активисты, псевдоказаки и так далее), позволяя им бесчинствовать и выставляя их представителями «гласа народа». Что не все еще маргиналы — верно. Но многие уже «зажмуренные».

Не думаю, что учителя, врачи или учёные сегодня в большом почёте. В лучшем случае, народ эти фигуры не замечает и по-прежнему, как отметил классик, безмолвствует. Прав Андрей Кончаловский, сделавший примечательный акцент в «Белых ночах почтальона Алексея Тряпицына»: ракета стартует, а герой не обращает внимания. И не нужно сильно обижаться и ругать поддерживающие Президента пресловутые восемьдесят шесть процентов, как они представляются в крайне либеральном контексте. Большинство — «таковы — каковы и больше не каковы». Что же для малой части «продвинутых», то для главы фермерского хозяйства свобода, думаю, заключается прежде всего в избавлении от рэкета местного чиновника и удушающей конкуренции аграрного олигарха, а уж потом, если кто просветит, в идее защиты свободы слова или замены президентской республики на парламентскую.

Много просветителей в глубинке? А просветительских проектов у тех, кто «гуляет на свои»? Что же до отношения к интеллигенции со стороны власти, то, как говорит герой фильма Георгия Данелия «Кин-дза-дза», «Скрипач не нужен».

Впрочем, не стоит отчаиваться. С точки зрения истории в наших палестинах ничего экстраординарного не происходит. Не вчера бюрократия родилась. И ее «секреты» — «чудо, тайна и авторитет» давно раскрыты многими, начиная с Вебера и Маркса. Да и Ленин о ней знал не понаслышке. И вот ведь что выкрикивал этот решительный человек: «...За формальное и бюрократическое отношение к делу, за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая, вплоть до расстрела»; «...мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих верёвках. И я ещё не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это *подделом* повесят» [Ленин 1970: 88]. Голодающие рабочие —

и двадцать три миллиона нищих. Волокита — и сокровища Али-Бабы. Есть предмет для сравнения и раздумий о прогрессе?

На какой социальный слой делает упор власть, на кого надеется? Как и большевики, на «человека с ружьём». Привычка к подчинению и порядку, решительность, чёткость, ответственность. Но ведь сколько из этих граждан надежд не оправдало и с решением суда или без такового отстранено. И это лишь «засветившиеся», а про скольких не знаем? Повторю из азбуки: не бывает кланов чистых и нечистых, различия — в «зажмуренности».

Кроме того, в связи с тайной, одним из «секретов» бюрократии, делающих ее врагом общества, у «чекистократии» есть родовая черта: не доверять никому. Кроме, начальства, разумеется. Резонно озаботиться: «сможет ли правящая элита, заточенная на удержание власти, сосредоточиться на повестке будущего для России: на проблемах современного открытого образования, международного разделения труда и росте на этой основе эффективности, производительности и доходов»?³ Впрочем, сомнения не ко времени. Шире круг, игра продолжается!

В жмурках можно не только уворачиваться и прятаться. Можно, если игра надоела, и вовсе убежать. И убегают. Сколько уехало из страны молодых и образованных за последние пятнадцать лет? Три, пять, семь миллионов? Сколько научных школ прекратило свое существование? Математики, физики, кто ещё? Верёвочка под названием ««элита элит» — «элита» — образованное общество», по инерции пока ещё разматывается; время от времени обнаруживает обрывы, но вьётся.

И напоследок, вопрос к тем, кто в игре водит: предусмотрели, что «жмурки» из беготни, не дай Бог, превратятся в «русскую рулетку»? Для «зажмуренного» общества этого исключать нельзя.

Все это, однако, проявления более серьёзных явлений, названных мной константами российского бытия. Пояснив их бытие в действительности, вернусь к их анализу.

* * *

Вернёмся к начальному. Уже более трехсот лет в отношении России справедливы суждения относительно ее эволюции как «хождения по кругу» и «топтания на месте», а если и случаются кратковременные периоды развития, то говорят, что они имеют «догоняющий характер» [Пантин, Лапкин 2007; Розов 2011; Зубов 2005]. Почему это так? Как я уже обозначил, дело, на мой взгляд, в трех исторических явлениях — «империи», «самодержавии» и «собственности».

Моё внимание именно к этим феноменам определяется тем, что я считаю их первичными, базисными и фундаментальными по отношению к другим явлениям, например, к таким широко обсуждаемым, как демократия, права человека, разделение властей, верховенство права или гражданское общество. Точно такими же фундаментальными являются и обозначающие эти явления категории, описывающие российское общественное бытие и существование индивида в социуме.

Империя — это та форма общественного существования, которая присуща отечественному сообществу, локализованному на территории Российской империи, СССР и нынешней Российской Федерации. Самодержавие — принятая сообществом примерно с середины XVI в. организационная форма существования. Что же до категории «собственность», то она, как и обозначаемое ею явление, существует в форме тесной связи со своим антиподом-двойником «бессобственностью», ее стоит обозначать как «собственность/бессобственность» и она имеет отношение не только к вещно-материальному миру. Прежде всего, категория

³ Подробнее — в статье К. Ремчукова в «Независимой газете» от 28 июля 2016 г.

обозначает свободу или несвободу человека распоряжаться самим собой, быть собственником самого себя или не быть таковым, а пребывать в той или иной степени в состоянии раба. Также надо отметить и особую связь собственности в России с властью.

Первым термин «самодержец» («Господарь и самодержец вся Русии») употребил московский царь Иван III, хотя при нем это наименование использовалось для акцентирования международного суверенитета страны, а не для характеристики ее внутреннего устройства. Качество страны как империи впервые было сформировано при Иване IV Грозном, когда освободившись от власти Орды он не только осуществил масштабные приращения земель, но существенным образом изменил управление и саму жизнь подданных⁴. С устроенного царём показного ухода в Александрову слободу, за которым последовало спровоцированное им народное волеизъявление-прошение вернуться на самодержавное царство, началась отечественная имперская история, не прекращающаяся до сих пор.

Начав свое правление с участием во власти «Избранной Рады», созыва Земских соборов, создания элементов самоуправления на местном уровне и даже составления Судебника, вскоре он изменил курс. У историков нет единого мнения о причинах этой перемены, но есть факт: от форм правления, основанных на согласовании интересов и решений — подобии западного договорного права, он перешёл к «праву» единоличной власти. Сделано это было по всему спектру правоотношений, включая изменение базового основания собственной легитимности, вынужденно поддержанного Церковью. При нем была уничтожена независимость и императивная сила пастырского слова. И хотя документальное постулирование самодержавия произошло только при Петре I (в 1721 году в «Духовном регламенте» Феофана Прокоповича появилось положение: «Монархов власть есть власть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает»), общественная практика опередила правовую норму.

Также как отражение практического действия при Иване Грозном в российском бытии и формирующейся идентичности стало закрепляться состояние собственности/бессобственности, полностью зависимое от воли самодержавного государя. Производимые опричниками⁵ убийства и переселение бояр, отъем и перераспределение их имущества не только лишали отношения по поводу вещной собственности их легитимного содержания — свободы пользования, управления и распоряжения, но и вводили общее для всех подданных состояние «собственности по воле самодержца», включая лишение подданных «собственности-жизни». В дальнейшем в истории были времена, когда дворянство, как ближайший к монарху социальный слой, получало права временной, на период службы, собственности на имения или, в другое время — права собственности постоянной, включая в нее и крепостных, с передачей таковой по наследству. Однако никогда у подданных не было уверенности в том, что их собственность по воле самодержца не может быть отнята.

Среди многих признаков российской империи применительно к XVI в. в первую очередь нужно отметить ее экспансионизм⁶. Для страны он был органичен, так как определялся

⁴ Как известно, Иван IV силой присоединил Казанское и Астраханское ханства, Западную Сибирь, Область войска Донского, Башкирию, земли Ногайской Орды. При его правлении территория страны увеличилась почти в два раза, превысив размером Европу. Что до его оценки в контексте избранной темы, то, на мой взгляд, он не только впервые, но и в классически законченном виде дал опыт соединения трех базовых элементов российской властной архитектуры. В этой связи недавняя установка в Орле памятника ему — зловещее свидетельство неуничтожимости властного российского архетипа.

⁵ Опричина была специально созданным самодержавием управленческим инструментом, неоднократно возрождавшимся в нашей истории впоследствии.

⁶ Из констатации этого факта не следует, что в этом Россия была уникальна. Стадию активного экспансионизма прошли многие мировые державы. Но, во-первых, их экспансионизм был ограничен во времени и, во-вторых, строился на принципиально иной основе: «метрополия — дом», а «колонии — не-дом». В России этого

исходными устойчивыми факторами. Первым была экономическая отсталость, обусловленная более чем двухсотлетней заторможенностью исторического развития, вызванной нашествием кочевников. Присущий кочевникам исторически тупиковый характер жизнедеятельности с постоянными переходами с одного места на другое, что исключало интенсивность развития, с одной стороны, и невозможность для России в этих условиях активно прогрессировать, в том числе, налаживать контакты с Европой и вырабатывать основанную на договорных отношениях форму развития, с другой, обусловили стагнирующий характер ее социально-экономического бытия. Заложенный этой формой властвования стереотип впоследствии в полной мере никогда не преодолевался. С одной стороны, всегда имелось много новых ресурсов, использование которых справедливо избиралось властью как менее затратное. С другой стороны, вся общественная организация, включая общественное сознание и психологию членов сообщества, создавала инерцию для продолжения именно такого способа социального бытия.

Периферийное географическое положение по отношению к очагам цивилизации в сочетании с уязвимостью длинной границы были вторым фактором, предопределявшим имперскую форму организации социума: врагов нужно было побеждать, отодвигая как можно дальше от центра — разрастающейся Москвы. Территория, требовавшая государственного патронажа и обороны, постоянно росла. Вместе с тем, участие России в моногочисленных вооружённых столкновениях не могло не сказаться на состоянии ее хозяйства. Так, поражение Ивана Грозного в Ливонской войне и его деспотическая политика, дополнившая природные бедствия (неурожаи и эпидемии) несчастьями рукотворными (налоговыми изъятиями и опричным мародёрством), обусловили массовый исход крестьян Центральной и Северо-Западной России на недавно присоединённые окраинные территории. Пытаясь обуздать охвативший страну хаос, Иван IV в 1581 г. запретил крестьянские перемещения, отменив Юрьев день, что, впрочем, проблему не решило. Только в Московском регионе в это время, по разным оценкам, было заброшено от 76 до 96 процентов сельских поселений. В то же время, чтобы спасти себя от голода, крестьяне стали продавать себя в рабство. Имперский рост, таким образом, инициировал изменения в отношениях собственности, а изменения в собственности не могли не воздействовать на рост империи.

И, наконец, третьим фактором, обусловившим установление империи, была многонациональность и поликонфессиональность населения, а так же разные уровни хозяйственно-культурного и политического развития присоединяемых территорий. Конечно, к империи толкали не сами по себе эти особенности людских сообществ. Но то, что империя могла существовать только в форме непрерывного расширения до тех пор, пока не встречала непреодолимого предела, выстраивая отношения с присоединяемыми сообществами так, чтобы не оттолкнуть ни сильных, ни слабых, предопределяло ее жизненность. При этом, разные отношения, тем не менее, должны были иметь общую им государственную форму. И форма эта, не могла быть сложной, так как в этом случае она заведомо не подходила бы для слабо развитых и менее сложно организованных. Чтобы быть общей, форма должна была быть простой. По этой причине вопрос — договор и право, ограниченное правом государственное управление в сочетании с самоуправлением и развивающимся гражданским обществом, с одной стороны, или приказ и насилие, самодержавное правление, воспроизводившее себя на всех уровнях, с другой, — этот вопрос был предрешён⁷.

разделения не было, хотя отчасти ранее оно фиксировалось понятиями «центр» — «окраины, провинция», а теперь и термином «регионы».

⁷ Конечно, российский экспансионизм с его базовой установкой на упрощение как общий знаменатель для развитых и слабо развитых социумов имел в себе исключения. Если самодержавие сталкивалось с развитой формой государственности, как это было, например, в Грузии, в Финляндии или Польше, то оно не шло напро-

В этой связи понятна неизбежность и органичность для России самодержавной природы государства. Империя была одной из самых простых форм власти и поддерживала свою жизненность насилием и непрерывной экспансией⁸. Прimitивные уровни развития народов, включаемых в империю, их разнообразие требовали именно простых форм ассимиляции. Что до народов «развитых», то империя с разной успешностью находила способы их покорения и удержания, хотя и в форме сосуществования, а не поглощения. Но это удавалось ей только до определённых пределов, преодолев которые, «продвинутые» народы либо отпускались добровольно (Финляндия), либо насильственным путём вынуждали империю их отпустить (Польша).

Становление российской империи в XVI–XIX вв. не было исключительным явлением и вполне вписывалось в международное право. Согласно ему, любое расширение территории должно было базироваться на одном из трех оснований: завоевании, уступке (цессии) и занятии ничейной земли. В результате за период без малого трехсот лет Россия как централизованное унитарное государство, за исключением автономных Финляндии, Бухары, Хивы и Тувы, присоединила к себе множество территорий. Были завоёваны Финляндия, Прибалтика, Польша, Северный Кавказ, Средняя Азия; присоединены по договору Левобережная Украина, Бессарабия, Грузия, Армения, часть Азербайджана и Казахстана; инкорпорированы в ходе хозяйственной колонизации Север, часть Поволжья и Сибирь. Количественное выражение экспансии на этом временном горизонте видно вполне чётко. Так, если в последней трети XVI в. соотношение между населением в границах собственно России и населением присоединяемых территорий составляло 86 процентов и 14, то к Октябрю 1917 эта пропорция была 40 процентов и 60 [Миронов 2014: 95], а если прибавить к этому завоевания и присоединения, сделанные СССР накануне и после Второй мировой войны, то количественный показатель в пользу присоединённых народов увеличивается ещё больше.

Не менее важным признаком российской империи было наличие у императора и у некоторых подданных представления о его личной особой миссии в истории и такой же миссии у России. Начало этому явлению дала идея «Третьего Рима», впервые сформулированная псковским старцем Филофеем, воспринятая царём Василием III, отцом Ивана Грозного и в полной мере усвоенная отцом опричнины. В ней заключалось представление о роли и значении России и русских царей в качестве преемников римских и византийских императоров. Согласно ей, самодержец был таковым в силу избрания самим Богом, а стране — самодержавно-царской автокефально-православной Руси, надлежало хранить правую веру и бороться с её врагами.

Изначально присущий Российской империи экспансионизм проистекал не только из перечисленных факторов, но и из хозяйственно-экономических причин. В этом отношении в дополнение к базовым архитектурным элементам российской власти и общества нашего Отечества — империи и самодержавию — следует обратить внимание на ещё одну — собственности/бессобственности. Отмечаемое ещё древними, а затем и христианством родовое свойство человека — его свобода, в отечественной истории из природы человека было устранено. Как констатировал В.О. Ключевский, «вся философия самодержавия у царя Ивана свелась к одному простому заключению: «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же» [Ключевский 2011: 30]. Укоренившееся в качестве права самодержца лишение человека жизни даёт понимание, насколько легко он мог распоряжаться собственностью материальной.

Связанная с вопросом о качественном развитии человека и страны проблема была не только в том, что один человек мог отнять жизнь другого. Не менее существенно было и то,

лом, а находило способы приемлемой интеграции или даже сосуществования.

⁸ Ее бытие я бы сравнил с ездой на велосипеде — нужно непрерывно давить на педали и не стоять на месте.

что при таких отношениях несвободный (бессобственный) человек был лишён оснований для свободной деятельности, предполагающей его творческую активность. Не только природные условия или стереотипы властных отношений, но само общественное устройство толкало хозяйствующего человека не создавать новое, но искать нужное в природе, в сырьевом ресурсе, требующем его несвободного, минимального творческого участия, но дающего до поры приемлемый результат. В этой связи, характеристика хозяйственно-экономической природы российского экспансионизма точно фиксируется тезисом: «ресурсная зависимость существовала в России задолго до нефти и газа и ...сформировала саму ситуацию внутренней колонизации» [Эткинд 2013: 109].

Для непрерывной добычи ресурсов — будь то пушнина, рыба, пенька, «чёрное» или иное золото — обеспечиваемая имперской властью безопасность была важнее, чем свобода или сама жизнь человека. То, что это положение, отражающее место человека в структуре базового основания собственности/бессобственности в XX в. проявило себя в наибольшей мере, свидетельствует отечественная история. Никогда до времени большевиков человек не был столь глубоко и масштабно эксплуатируемым ресурсом — имперский зверь начал пожирать свое тело.

Таким образом, Российская империя вплоть до своего распада в 1991 г. была особым типом государства, формой правления, способом хозяйственной и общественной жизни, продублировавшим особого рода подданных. Ей были присущи следующие общие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, а в чем-то уникальные. В числе наиболее характерных отмечу следующие:

- непрерывную (пока не встречается непреодолимый предел) максимизацию территориального расширения ради экономических и политических интересов поддержания жизни империи. Цель присоединения народов часто вторична по сравнению с целью присоединения территорий. Отношение к присоединяемым как к сопутствующему ресурсу;

- построение закрытой для внешнего мира по-возможности самодостаточной хозяйственно-экономической и общественно-политической структуры. Уверенность, что все, находящееся за пределами России, чуждо и враждебно ей;

- обязательность сакральной фигуры самодержца, императора, вождя, наделённого всеобъемлющей властью. Под его мировидение устраивается хозяйственная, общественная и культурная жизнь, строятся и перестраиваются государственные институты — инструменты реализации его воли;

- наличие в национальном самосознании представления об особой миссии самодержца, народа и страны. Возможность появления подобных идей у других народов исключалась;

- создание действующего исключительно по воле самодержца репрессивного инструмента, не ограниченного или фиктивно ограниченного правом;

- произвольное манипулирование находящейся в империи материальной собственностью, присвоение самодержцем права распоряжения собственностью — жизнями подданных, в том числе — распределение между ними власти-собственности;

- отдельный человек рассматривается как мелкая деталь большого механизма, его личные особенности, права и интересы игнорируются. При необходимости реализуется цель гомогенизировать население до состояния легко управляемых подданных;

- гражданственность как качество населения невозможна, т. к. не имеет экономических, политических, правовых, культурных основ. Зачатки гражданского общества если и возникают, то ограничиваются или уничтожаются. Право допускается в качестве одного из инструментов воли самодержца, его ближнего круга и государственной бюрократии.

* * *

Определяющий характер трех взаимосвязанных базовых оснований российского развития также хорошо виден на материалах истории второй половины XIX — начала XX вв. и первых десятилетий СССР. Во второй половине XIX в. Россия была огромной по территории и численности населения крестьянской страной, до 90 процентов населения которой составляли земледельцы. Именно поэтому главным вопросом реформирования основ ее бытия была ликвидация крепостного права, то есть фундаментальное изменение в основании «собственность/бессобственность». Поскольку внутри этого социального слоя его собственное движение в направлении реформирования только намечалось, что показали результаты поставленного революционерами эксперимента «хождения в народ», то инициативу реформирования, в том числе имея в виду в очередной раз сделать рывок в «догоняющем развитии», взял на себя просвещенный монарх. При том, что лично для него результат попытки был трагичным, сама реформа подтвердила правильность избранного пути. Без нее не были бы возможны ее продолжение — столыпинская аграрная реформа и конституционная монархия 1907 г. В результате реформ Александра II две из трех базовых основ российского бытия медленно пришли в движение и если бы не инерционная активность третьей, имперской основы, приведшей к участию в войне и поражению — вначале в японской, а затем и в Первой мировой, то история могла бы пойти по более благоприятному для страны пути.

За всеми вместе и каждой по отдельности из трех констант российского бытия, равно как и за причудливым сочетанием составляющих их элементов, стояли конкретные интересы общественных групп и отдельные личности. В своей активности они использовали весь спектр социальных воздействий — от материальных до культурных и психологических. Вплоть до начала мировой войны и затем — по инерции — до 1917 г. у страны была возможность эволюционного высвобождения из тисков изначальных базовых основ. Складывалась возможность на практике проверить высказываемую ещё Александром I надежду на то, что в России возможно создать эффективное полицейское государство (т. е., заботящееся о подданных), которое будет устраивать их жизнь по воле и под контролем просвещенного монарха и в конце концов сложится государство правовое, аналогичное европейскому, которое будет без принуждения жить по законам и контролироваться гражданами.

В результате аграрной реформы к 1914 г. 29 процентов крестьянских хозяйств фактически вышли из общины и начали свое собственное — на основе своей личной человеческой и материальной собственности — развитие. Ещё треть к этому времени подала на рассмотрение документы на выход из общины. (К этому времени обязательного согласия «общества» на отделение каждой семьи было отменено). Оценивая эту ситуацию, Ленин, как помним, говорил, что если ещё двадцать лет Россия будет идти по этому пути, то большевистскую программу можно будет выбросить и о социализме забыть.

Конституция и думские опыты постепенного законодательного ограничения самодержавия постепенно приводили к его сворачиванию, а после Учредительного собрания, намеченного на январь 1918 года, должны были привести к его ещё более радикальному ограничению или даже ликвидации.

Однако эта перспектива ставила крест на большевистской затее насильственного переустройства мира, начиная с России, посредством уничтожения частной собственности и самодержавия в его жёсткой или мягкой форме. Существовавшая в России имперская идея в ходе ленинского эксперимента не только не должна была быть ограничена или трансформирована (как это могло произойти при эволюционном развитии страны), но, напротив, имперской идее назначалась новая жизнь в форме пролетарской диктатуры с тем, чтобы в даль-

нейшим она превратилась в мировой коммунизм⁹. Все базовые основы российского бытия и социума в преобразованном виде оказались полезны большевикам в деле строительства будущего мирового коммунистического общества. При этом для России сохранялась и ее исторически сложившаяся и потому не требовавшая серьёзных усилий ресурсная ориентированность и хозяйственная жизнь¹⁰. В этом смысле и Сталин, сделавший наряду с природными ресурсами ресурсом назначенную к ресурсному использованию часть общества, был не оригинальным творцом, а лишь эпигоном своего любимого исторического персонажа Ивана Грозного¹¹.

Обременённость культурой, нехватка политической решительности и недостаток иезуитских талантов не позволили противникам большевизма противостоять отечественным ученикам «Манифеста коммунистической партии». На стороне последних были неустрашимые в короткие сроки исторические явления — темнота и спровоцированное войной озверение огромных, привыкших к рабству масс. Да и сами большевики не страдали от излишков гуманитарных ограничителей¹².

Период от начала до конца НЭПа может быть описан следующим образом. Во-первых, как признавал сам Ленин, это было вынужденное крестьянским сопротивлением ослабление нажима на девяносто процентное население страны с целью в короткий срок перейти к коммунизму. «Отпустить веревку послабее, не разрывая совсем», — как он говорил по этому поводу. Боясь потерять власть, большевики были вынуждены на время реанимировать ряд элементов достопыпинской реформы в части собственности/бессобственности. Во-вторых, в этот период ими активно развивалось имперское основание страны — шло насильственное удержание и переформатирование окраин Российской империи под идеи большевиков. В-третьих, активно нащупывалась новая форма самодержавия. В это время Сталин начал концентрировать в своих руках управленческие рычаги — сперва в политике, а потом и в репрессивных органах. Он делал то, с чего начинал и Иван Грозный — минимизировал число участников управления, сводил управление к приказу, учреждал единовластие, создавал инструменты насилия.

Таким образом, период от начала 30-х годов до Второй мировой войны характерен прежде всего в двух отношениях. Во-первых, укреплением в новых условиях расшатанных царизмом в начале XX в. оснований имперскости, самодержавия и собственности/бессобственности. И, во-вторых, тем, что встретив на мировой арене аналогичную по своей имперской цели расширения нацистскую структуру, он на первых порах затеял с ней игру, которая скоро перешла в борьбу за выживание и поглощение.

* * *

В заключение — несколько тезисов о современности, начиная с 1980 г.:

- афганская война продемонстрировала готовность населения страны и дальше жить в парадигме империи, оплачивающей свое бытие человеческими ресурсами;

---

⁹ Довольно точно это выразил крестьянский поэт Сергей Есенин в стихах о Ленине «Капитан земли»: «...Лишь только он / С рукой своей воздетой / Сказал, что мир / — Единая семья».

¹⁰ В «Азбуке коммунизма» Бухарин и Преображенский прямо писали о России как сырьевом придатке Германии в составе единой европейской хозяйственной системы.

¹¹ См., например, его замечания, высказанные С. Эйзенштейну после просмотра кинофильма «Иван Грозный».

¹² Хрестоматийно известны большевистские установки на этот счёт: «Нравственно то, что служит интересам рабочего класса»; в качестве одной из мер «социалистического соревнования» нужно расстреливать каждого десятого саботажника, — так наставлял партийцев и молодёжь Ленин. Примеров такого рода множество.

- горбачевская перестройка обнаружила неспособность верхнего самодержавного слоя к самореформированию, равно как и неспособность верхнего интеллектуального слоя найти выход из исторической колеи;

- начатый, но не доведённый до конца Ельцинский поворот к изменению основы «собственность/бессобственность», не был вписан в контекст взаимосвязанных и согласованных изменений трех констант российского бытия и в результате привёл к первичному дроблению империи. В то же время, предпринятое им укрепление элемента самодержавия, на время сцементировав части империи в пределах Российской Федерации, заложило возможность самодержавно санкционированного безудержного развития элемента «собственность/бессобственность»;

- Путинский период, начавшись с разумной попытки регулируемого изменения трех констант российского бытия, вскоре траекторию изменил и вернулся в старую колею: перешёл к перераспределению собственности в интересах ближнего круга «нового дворянства» и к необходимому для этого самодержавному государственному регулированию. Утратив значительную часть признаков империи, страна, тем не менее, стремится дать новую жизнь оставшимся имперским признакам;

- оставляя в стороне очевидные признаки реанимации империи во внешней политике современной России, отмечу качественно новое, прежде в истории не возникавшее. Имперский признак — «гомогенизировать население до состояния легко управляемых подданных» не только является направлением целенаправленных усилий власти, но с удовольствием принимается значительной частью населения [Никольский 2014];

- неудачные попытки выскочить из исторической колеи (Александр II, Николай II, Б.Н. Ельцин) нуждаются в изучении прежде всего с целью понимания того их неуспешности. Моё предположение состоит в том, что изменения во всех трех константах (основах) российского бытия, во-первых, не были поняты и приняты народом и элитами. И, далее, они не были особым образом синхронизированы, соподчинены, для них не имелось достаточного числа акторов и движущих сил. И хотя это специальный вопрос, но даже из первичного обращения к нему ясно, что инициатором и «дирижёром» такого рода процесса в России выступает государство и тот, кто занимает место самодержца;

- означает ли это, что ждать «дирижёра» следует пассивно? Нет, следует углублять понимание процесса, заниматься просветительством, но не агитацией. Таковую мало кто поймёт. В счастливом случае выработанное понимание в будущем пригодится. В несчастном — результаты пополнят запасники библиотек.

* * *

И в заключение — вывод: змей Горыныч о трех головах по-прежнему стоит на пути Ивана-дурака к морю с золотой рыбкой, на берегу которого... «жил старик со своею старухой». Но это уже другая сказка.

Волков О.В. 1989. *Погружение во тьму*. — М: Молодая Гвардия.

Зубов А.Б. 2005. Циклы русской истории. — *Вопросы философии*. — № 3.

Ключевский В. 2011. *Царь Иван Грозный*. — М.

Ленин В.И. 1970. *Полн. собр. соч.* Т. 54. — М.

Лесков Н.С. 1993. *Собрание сочинений в шести томах*. — М.

Мионов Б.Н. 2014. *Российская империя: от традиции к модерну*. В 3-х томах. Т. 1. —

СПб.

- Никольский С.А. 2014. О качестве человека. — *Политическая концептология*. — № 2. — С. 70–79.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. 2007. *Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности*. М.
- Розов Н.С. 2011. *Коля и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. — М.
- Салтыков-Щедрин М.Е. 1988. *Собрание сочинений в десяти томах*. Т. 8. — М.
- Советские художественные фильмы... 1961. *Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог*. Т. 1. — М..
- Шаламов В.Т. 2005. *Сочинения: В 2 т. «Колымские рассказы»*. Т. 1. — Екатеринбург.
- Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. — М.